

«В тот день чуть потеплело. В воздухе таилась едва уловимая влага – предвестник юго-восточных ветров, которые вскоре принесут тепло в Яньчэн».

Мужчина с сединой на висках был одет в поношенную, выцветшую куртку и казался немного беспокойным и зажатым, как будто не мог найти себе места. Когда к нему подошла девушка-волонтер, он тут же поднялся, словно провинившийся школьник, чтобы заговорить с ней.

Волонтером была молодая девушка, немногим за двадцать, возможно, еще студентка. Она поспешно сказала:

— Дядя Го Хэн, не волнуйтесь, ни к чему церемониться. Хотите воды?

Го Хэн скромно улыбнулся ей:

— Не нужно, спасибо. Сейчас моя очередь говорить?

— Мой однокурсник как раз настраивает микрофон, скоро позовет вас. Я пришла предупредить.

— О, хорошо-хорошо... — Го Хэн одернул края рубашки, как будто почувствовав, что та сидит неровно, и слегка пошевелил плечами. На висках у него выступила холодная испарина, он сбивчиво окликнул волонтера:

— Эй, девочка, они же знают, что я приду, правда? Знают кто я такой? Вы сказали им?

— Всем сообщили, — ответила волонтер. — Мы и сами не ожидали, что соберется столько народа. Кажется, я только что слышала, что кто-то из городского бюро тоже придет. Не знаю, приехали они уже или нет...

Как только она сказала это, другой волонтер издали помахал ей рукой:

— Микрофон готов.

Го Хэн внутренне напрягся и, воспользовавшись моментом, все же глотнул воды. Услышав, как ведущий назвал его имя, он неуклюже вышел вперед. Мужчина взял микрофон и окинул аудиторию взглядом – это был один из лекционных залов Яньчэнского университета, предоставленный им временно, пока у студентов не начались занятия.

В зале сидело больше двадцати человек. Самым молодым было тридцать пять-тридцать шесть лет, а остальные в основном были людьми среднего и пожилого возраста. Возможно, они только казались старше своих лет, просто время обошлось с ними слишком сурово. Го Хэн поджал губы и, окинув взглядом первый ряд, заметил женщину, лицо которой показалось ему знакомым. Кажется, это была мать Цюй Тун – девочки, убитой в прошлом году. Го Хэн видел ее на страницах газет.

У всех собравшихся здесь когда-то была живая, умная девочка, но она навсегда осталась на пороге юности и все дальше отдалялась от своих родителей, живущих и стареющих в этом мире.

— Меня... — Го Хэн по неосторожности поднес микрофон слишком близко к колонке, и в ту же секунду из динамиков раздался пронзительный визг, ударивший по ушам. В зале воцарилась мертвая тишина, но никто не выразил недовольства. Когда звук затих, Го Хэн прочистил горло

и глубоко поклонился всем присутствующим, согнувшись почти под прямым углом.

— Меня зовут Го Хэн, — начал он, подняв старую фотографию. — Это моя дочь Го Фэй. Более двадцати лет назад мы жили в Лotosовой горе...

Ло Вэньчжоу тихо вошел через заднюю дверь и сел в самом последнем ряду. Он слушал, как мужчина на трибуне рассказывал о детстве своей дочери и со слезами на глазах извинялся за то, что в порыве гнева убил У Гуанчуаня, из-за чего настоящий преступник оставался на свободе более двадцати лет.

Через час встреча закончилась. Го Хэн с покрасневшими от слез глазами сошел с трибуны. Мать Цюй Тун, немного замешкавшись, протянула ему пачку салфеток.

Го Хэн не нашелся, что сказать, лишь молча принял салфетки обеими руками(1).

В этот момент кто-то медленно подошел и похлопал Го Хэна по плечу.

— Капитан Ло? — удивленно произнес он.

— Сегодня я пришел от имени городского бюро, чтобы кое-что сообщить вам, — на этот раз Ло Вэньчжоу оделся по уставу, что случалось нечасто, строгая форма как будто даже держала в узде его привычный дерзкий нрав. — В конце прошлого года мы арестовали председателя корпорации «Чуньлай» Чжан Чуньлина, его брата и других сообщников. Сейчас основные фигуранты уже признались, что финансировали Су Хуэй, Су Сяолань и Су Лочжань и вместе с ними участвовали в похищениях и убийствах несовершеннолетних. На основании их показаний мы обнаружили еще два места захоронения тел. На этот раз доказательства неопровержимы. Дети, которых... которых мы не могли отыскать раньше, теперь все найдены. Как только судмедэксперты закончат опознание, вы сможете забрать их домой... Примите наши соболезнования.

Едва он договорил, как кто-то тихо заплакал.

Ло Вэньчжоу вздохнул, молча кивнул всем в знак извинения и покинул гулкий лекционный зал, поспешив дальше. Он купил кое-какие вещи и направился в дом полицейского Кун Вэйчэня из участка Наньвань.

Кун Вэйчэнь лишился звания «героя» и все это время находился под подозрением, поскольку в день ареста Инь Пина заранее позвонил Чжан Чуньцзю. Теперь, когда преступники с обеих сторон задержаны, это запутанное дело об устранении свидетеля наконец прояснилось.

С арестом Лу Гошэна дело Гу Чжао неожиданно вновь привлекло внимание общественности. Практически все люди, которых Чжан Чуньцзю успел внедрить в городское бюро, были раскрыты, и он лишился своих источников информации. Однако, проработав в бюро много лет, он прекрасно изучил все привычки отдела уголовного розыска и понимал: если полиция возьмется за старое дело Гу Чжао, то непременно найдет несколько ключевых свидетелей. Разумеется, свидетелей уже давным-давно «зачистили», стерев с лица земли. Полицейским оставалось лишь разыскивать их друзей и близких. За Инь Пином уже давно велась слежка, просто поначалу даже Чжан Чуньцзю не ожидал, что ничем не примечательный котельщик осмелится подменить другого человека.

— В день происшествия, когда наши сотрудники покинули дом Инь Пина, за их машиной последовал один из двух пикапов. По дороге преследователи увидели, что полицейские развернулись и поехали обратно. В то же время старина Пепел сбежал. Преступники заметили

что-то неладное, и тут же решили: лучше перестраховаться, но не дать свидетелю уйти живым... — как можно мягче объяснил Ло Вэньчжоу семье Кун Вэйчэня. — Это была наша ошибка, она никак не связана с тем звонком от сяо Куна. Подозреваемый признался, если бы он заранее знал, что с Инь Пином что-то не так, он бы вообще не взял трубку, чтобы не навлекать на себя подозрения.

Семья Кун Вэйчэня жила бедно. Даже после того, как он устроился на работу, с мизерной зарплатой простого участкового полицейского было трудно выбраться из нищеты. Его жилище находилось в плачевном состоянии: диван с одного бока провалился – садить на него гостей было попросту неудобно, поэтому Ло Вэньчжоу пришлось, поджав ноги, устроиться на маленьком табурете.

— Кун Вэйчэнь невиновен, — сказал он. — Не беспокойтесь, я... и мой коллега, спасенный сяо Куном, мы сделаем все возможное, чтобы его признали героем. Примите наши соболезнования.

Покинув дом Кун Вэйчэня, Ло Вэньчжоу заехал к семье Фэн Биня, а затем к ученику учителя рисования Юй Биня... Он чувствовал себя вестником смерти, всю дорогу он утешал людей и выражал им соболезнования. И вот наконец он оказался перед Ян Синь.

После ареста только Тао Жань поддерживал связь с Ян Синь. Ло Вэньчжоу ни разу так и не пришел к ней, ему попросту нечего было ей сказать.

Сейчас, разделенные столом и наручниками, они казались друг другу совсем чужими. Ян Синь сидела, опустив голову, а ее недавно подстриженные волосы были заправлены за уши. Не смея поднять на Ло Вэньчжоу взгляд, она тихо сказала:

— Я уже все рассказала брату Тао Жаню.

— Я пришел не допрашивать тебя, — сказал Ло Вэньчжоу. — Сегодня я здесь, чтобы рассказать тебе правду о гибели твоего отца. Ян Синь, подними голову и слушай внимательно.

Ян Синь робко подняла голову.

— Три года назад лао Ян получил анонимное сообщение от Фань Сьюаня и начал расследовать старое дело Гу Чжао. Связь между ними поддерживалась через безымянную радиостанцию. Лао Ян ошибся, доверившись Чжан Чуньцзю, и погиб в подземном переходе, угодив в его ловушку. Думаю, Фань Сьюань уже рассказывал тебе об этом.

Ян Синь кивнула.

— Он не рассказал тебе всего, — невозмутимо сказал Ло Вэньчжоу. — Три года спустя, при помощи твоей мамы, Фань Сьюань встретился с Пань Юньтэном. Он хотел, чтобы тот донес на Ван Хунляна из районного подразделения Хуаши по подозрению в торговле наркотиками, и таким образом отстранил Чжан Чуньцзю от должности. В тот раз он пришел туда лично. Тебе не кажется странным, почему при общении с твоим отцом он вел себя так скрытно, а на встрече с Пань Юньтэном пришел открыто?

Ян Синь казалась растерянной.

— Фань Сьюань наверняка говорил тебе: у него нет доказательств, обличающих Чжан Чуньцзю. Поэтому нужно шаг за шагом вынудить их выдать себя. Но ты не задумывалась, почему даже, не имея доказательств, он был уверен, что Чжан Чуньцзю тот самый предатель? Он приложил

столько усилий, неужели не боялся ошибиться и в итоге потерпеть неудачу? Если он давно подозревал Чжан Чуньцзю, то почему не рассказал об этом твоему отцу? Ведь из-за этого тот легко поверил Чжан Чуньцзю и погиб. А еще, тебе не кажется, что по сравнению с его продуманными действиями, разрушившими корпорацию «Чуньлай» три года спустя, то анонимное сообщение старому полицейскому выглядит слишком примитивно, совсем не в его стиле?

— Ло-дагэ... — произнесла Ян Синь.

Ло Вэньчжоу слегка скривил губы и, четко выговаривая каждое слово, сказал:

— Даже когда Чжан Чуньцзю арестовали, он никак не мог понять, почему, несмотря на все его уловки и повторный запуск проекта «фотоальбом», Фань Сьюань упрямо вцепился в него. Сейчас я расскажу тебе.

Ян Синь, казалось, что-то поняла: она широко раскрыла испуганные глаза, задрожала всем телом и невольно покачала головой.

— Все очень просто. Тогда Фань Сьюань узнал, что тяжело болен, и был вынужден ускорить ход событий. Он подозревал двух человек: одним из них был лао Ян, который чаще других работал с Гу Чжао, и Чжан Чуньцзю, продвинувшийся по службе благодаря этому делу. Сначала он отправил лао Яну анонимные материалы в качестве «приманки», а после нескольких контактов, исключил его из круга подозреваемых и сосредоточился на Чжан Чуньцзю.

— Почему лао Ян так легко доверился Чжан Чуньцзю? — Ло Вэньчжоу пристально посмотрел на Ян Синь. — Я скажу тебе. Не потому, что Чжан Чуньцзю слишком умен, и не потому, что твой отец был легковерным и наивным. Просто все это время Фань Сьюань внушал ему, что Чжан Чуньцзю заслуживает доверия.

— Нет... — не могла поверить Ян Синь.

— Твой учитель Фань использовал твоего отца, как приманку: через него он намеренно раскрыл Фэй Чэньюя перед Чжан Чуньцзю, заодно устранив руками братьев Чжан. Сам же он взял под контроль силы, которыми управлял Фэй Чэньюй, и скрылся в тени. Братья Чжан думали, что обнаружили вирус по имени «Фань Сьюань», но на самом деле этот вирус нарочно выдал себя, чтобы выследить их.

— Нет! Неправда! Этого не может быть! — воскликнула Ян Синь, звякнув наручниками.

— Хочешь верь, хочешь нет, но это факт, — безжалостно сказал Ло Вэньчжоу.

Это был последний родственник жертвы, которого он навестил сегодня, и именно ее ему меньше всего хотелось видеть. Ян Синь разразилась горьким плачем. Не желая больше на нее смотреть, Ло Вэньчжоу молча встал и направился к выходу.

— Ло-дагэ! — в панике и растерянности позвала его Ян Синь.

Ло Вэньчжоу на мгновение замедлил шаг, но не оглянулся, демонстрируя ей свое разочарование удаляющейся спиной.

В тот день чуть потеплело. В воздухе таилась едва уловимая влага – предвестник юго-восточных ветров, которые вскоре принесут тепло в Яньчэн.

Ло Вэньчжоу вернулся домой уже под вечер. В руках он нес пакет жареных каштанов и целую охапку продуктов, способствующих восстановлению крови. Открыв дверь, он сразу же заметил, что сторожевого кота, обычно дежурившего у порога, нигде не было.

Ло Вэньчжоу захлопнул дверь ногой, присвистнул и позвал:

— Детишки?

Но на его зов никто не откликнулся, и Ло Вэньчжоу вмиг прошиб холодный пот. Это началось у него с тех пор, как он забрал Фэй Ду из Биньхая. Если он хоть на мгновение терял этого человека из виду, его пульс сразу же учащался до 180. Тао Жань сказал, что это легкая форма ПТСР.

Он бросил все, что держал в руках и, даже не переобувшись, ринулся в дом: гостиная, кабинет, спальня... балкон - никого. Леденящий ужас сковал его грудь.

— Фэй Ду! — крикнул он.

От крика, который наверняка услышали даже соседи, его голос сорвался. Вдруг из подвала раздался грохот, как будто там что-то упало.

Ло Вэньчжоу развернулся и бросился вниз.

В подвале горел свет. Травмированная лодыжка все еще не давала Фэй Ду наступать на раненную ногу; он стоял спиной к Ло Вэньчжоу, опираясь на костыль... и играл в гляделки с толстым котом.

Увидев Фэй Ду воочию, Ло Вэньчжоу с облегчением выдохнул. Ноги у него подкосились, и он поспешно оперся о стену.

Только тогда Фэй Ду обратил внимание на его торопливые шаги:

— Когда ты вернулся? Я даже не услышал.

Ло Вэньчжоу взял себя в руки, молча подошел и вдруг крепко обнял его. Прижатый к груди Фэй Ду от неожиданности едва не завалился назад. Стоять на одной ноге было не так-то просто, и ему пришлось обхватить рукой спину Ло Вэньчжоу. В этот момент он невольно почувствовал его учащенное сердцебиение, от чего на мгновение замер и прошептал:

— Ты...

Ло Вэньчжоу шлепнул его по заднице и пробормотал сквозь зубы:

— Придурок, ты что, оглох?

Он не хотел показывать Фэй Ду свое беспокойство, поэтому сделал вид, будто ничего не случилось. Выхватив костыль, он отбросил его в сторону, и поднял Фэй Ду на руки:

— Кто разрешил тебе ходить по лестнице? Ты зачем вообще сюда спустился?

— Я искал кота. Он разозлился, — ответил Фэй Ду.

Ло Вэньчжоу наконец заметил, что товарищ Ло Иго стоит на верхушке шкафа в кладовой и сверлит их обоих взглядом, полным укора и немного презрения. Кажется... на нем чего-то не

хватало.

Ло Вэньчжоу был потрясен новым образом Ло Иго:

— Кто подстриг кота?

— Мама твоя, — сказал Фэй Ду.

— Чья мама? — Ло Вэньчжоу недовольно уставился на него. — Ты красный конверт на Новый год зря получил?

Фэй Ду на мгновение замер.

Ло Вэньчжоу просто пошутил, но, заметив его замешательство, вдруг опомнился и почувствовал боль в сердце. Простые слова «мама» и «папа» были для Фэй Ду непреодолимым барьером.

Возможно, на это уйдет очень много времени, даже целая жизнь.

Ло Вэньчжоу понял, что сказал что-то не то, и решил быстро сменить тему:

— В такую холодрыгу стричь кота... Почему эта женщина Му Сяоцин такая...

— Мама сказала, что так ему будет легче взглянуть правде в глаза, чтобы он не думал, что пухлый только из-за шерсти...

Ло Вэньчжоу не услышал следующих слов. Он поставил ногу на нижнюю ступеньку подвала и удивленно посмотрел на Фэй Ду...

Фэй Ду, словно не замечая его проницательного взгляда, невозмутимо сказал:

— Кажется, я чувствую запах жареных каштанов. «Каждый день - новая жизнь. Везение, конечно, приятно, но я стараюсь быть точным во всём. Тогда, когда удача придёт, я буду готов»

«Старик и море» Эрнест Хемингуэй Безмолвное Чтение. Конец

1. В Китае принять что-то обеими руками - не просто вежливость, а молчаливый знак признания: уважения, раскаяния или глубокой благодарности.

<http://bllate.org/book/12932/1135265>